

Михаил Андреев

84(2Рос=Рус) 6-5
А 65

ФОТОГРАФИЯ НА ПАМЯТ

СТИХИИ

Михаил Андреев

ФОТОГРАФИЯ НА ПАМЯТЬ

Обякиш йтсго-юцшагал библиотга

^ 086030

СТИХИ

ТОМСКАЯ «БПАОТНМ»
ДЕТСКОЮНОШЁСКАЯ

БИБЛИОТЕКА

Н «» щ ZQ

Москва. 2001 год

84 (2Рос=Рус) 6

A 65

A 65 **Андреев М. В.**
 «ФОТОГРАФИЯ НА ПАМЯТЬ»
 М.: Изд-во. «Вариант», 2001.-168 с.

ISBN 5-901842-01-4 © «Фирма «Вариант» 2001 г.
© Андреев М. В. 2001 г.
© Н. Голомидов, В. Бобрецов,
фото, 2001 г.

Андреев Михаил Васильевич

ФОТОГРАФИЯ НА ПАМЯТЬ

Стихи

Михаил Андреев всегда держал в нашей поэзии антилирическую, антирубцовскую, если так можно выразиться, ноту. Хорошо это или плохо, не в этом дело. Просто такова особенность дарования: поэт занят миром больше, чем самим собой, и мир отвечает ему тем же, приоткрывая неразгаданные тайны "вещества существования". И этом Андреев, думается, близок Алексею Прасолову - с его суровой сдержанностью чувства и строгой ясностью чистых линий.

Хотя поэт сильно изменился в последние годы стал писать в броской современной манере /умаление эпитета, движение в сторону свободного, как бы переводного стиха, понижение строки, интонация прозаизированной речи/, тем не менее, "угловатость, пристальность и насто-роженность взгляда на мир", точно подмеченные Бродским, к счастью, сохранилась. Как залог подлинности таланта.

Котлован "в невиданном облаке пыли и в боли от ссадин и ран", Древо" в объятьях подземного гула", Волк, у которого " лоб туманом белым обнесён", Зеркало "всегда небритое" - все эти вещи и явления материального мира, несущие ощущения жизни, "реальной, как корь", пластичные и осязаемые, взвешаны одновременно на тонких "нематериальных весах" поэзии, где "мысль но(гая" - по тютчевским законам - "с холодным небом заодно".

Инна Ростовцева

Лиственный свет

Мирно спали озера и реки;
вдруг ударила низко гроза,
осветила дома и телеги,
ослепила до боли глаза.

Занавеска с окошка срывалась.
И мне чудилось — все я могу.
А домашним цветам показалось,
что гуляют они на лугу.

Лил дождь. И молния сверкала.
Лес темным был, и от тепла
природа чувственно дышала,
взволнованно река текла.

Последний гром. И вдруг — сиянье,
луч света — прямо с вышины.
Какое легкое дыханье
у наступившей тишины!

ПРИВЫЧКА

Художник Александр Шумилкин,
С висками в тоненьких прожилках,
С глазами, что всегда горят,
Жизнь попивая, как микстуру,
Рисует Хардикова Юру
Уже который день подряд.

Его большая мастерская
Томит, как женщина чужая,
И лечит словно мумие,
Снимает боль, ну как рукою,
И крутится вместе с землею,
А то и вовсе без нес.

Вот отойдет, глаза прищурит
И трубку в рот, а сам не курит,
Но отступить он не привык,
Замрет, стоит как бы без дела
И смотрит как бы неумело,
И лишь шевелится кадык.

Неправильно все в этом мире:
Земля внизу, а небо шире,
Что в мире этом есть, всего,
Но это лишь литература,
И лишь бы получился Юра —
Задача нынче у него.

Художник Александр Шумилкин,
Ты знаешь эту жизнь до жилки,
И каждый тайный поворот,
И колдовство туманных красок,
Которые совсем не красят,
А делают наоборот.

С привычкой к холоду врожденной,
Со взглядом, будто осужденный,
Ты замечаешь каждый миг,
И будто нет тебе спасенья,
Одно сплошное невезенье,
Но этим-то ты и велик.

Живешь, а как, и сам не знаешь,
Что ты при этом ощущаешь,

Совсем не бережешь свое?
Ты никого не посвящаешь,
От красок жизнь очищаешь,
Чтоб лучше видели ее.

Ничто не убережешь от взора
Художника, так и озера
Черновские попались в сеть,
Где егеря, ну на все руки,
И на жерлицах бьются щуки,
Все принимая так, как есть.

Где в каждой ветке несломленность,
И мыслей тайных затаенность,
И чувств немислимый завод,
И гам, где дно пошло к обрыву,
Под вечер чайки ловят рыбу,
И через небо виден брод.

Как школьник ручкой из чернилки,
Художник Александр Шумилкин,
Ты заново весь мир говоришь,
В котором праведно и душно,
И все до ниточки послушно,
О чем ты не заговоришь.

...А Юра чиркнет по жерлице,
С испугу растворятся птицы,
И щука медленно уйдет,
Еще всего не понимая,
И от свободы замирая,
Куда-то в бездну уплывет.

ПОЖАР

Рвет вожжи привязанный конь,
набухли усталые жилы.
И вот запустили огонь
навстречу огню — старожилы.

Уставший отряд егерей
клянет вертолетную сводку
и пьет за погибших зверей
на бревнах суровую водку.

И только орел в том лесу
над пеплом протяжно витает
и смотрит, как жадно внизу
огонь на огонь налетает.

Туманится поле вдали,
торопится к дому пчела,
прозрачные капли смолы
блеснули в извивах ствола.

Приблизилась к лесу гроза,
луг с клевером ветром измят,
и филина — в елях — глаза
в мои, не мигая, глядят.

ПАРАБЕЛЬ

Я подвластен был задумке,
Прочной, словно дно у сумки
В той, что в пасмурный денек,
На лице храня ухмылки,
Тащим мытые бутылки
В неработавший ларек.

Я идее был подвержен
И до боли ею свержен,
И не буду я скрывать:
Я мечтал почти что с детства
На оставшиеся средства
В Парабели побывать.

В Парабели на недели
По утрам метут метели,
Создающие уют.
Там веселые насмешки,
Что кедровые орешки,
На базаре продают.

Там несется жизнь вприсядку,
В Пасху варят яйца всмятку,
А потом их бьют в висок,
Там по крышам ходят кошки,
И медвежие берложки
Смотрятся наискосок.

И луна глядится в дырку
Льды рисуя под копирку,
Метит лучиком в постель.
Хватит, люди, придуряться,
Надо быстро одеваться
И лететь на Парабель.

Вот уже несут мне чаю,
Стюардессу обольщаю.
В самолете я один,
Самолет рычит утробно,
И мотор его подробно
Жжет красивый керосин.

Вот лечу. И небо рядом,
Равнодушное ко взглядам,
И не понятное мной.

А виной перегородка
Очень крепкая, как водка,
Между небом и землей.

Я лечу почти по-детски,
И веселые подлески
Кружит понизу метель.
Может быть, на самом деле,
Подлетая к Парабели,
Надо крикнуть: «Па-ра-бель!»

Парабель! Зима из льдинок,
Снег рукой смету с ботинок,
Шапку сдвину. Удивлюсь.
Пробегу. Остановлюсь.
И на дочке прокурора
Парабсльского женюсь.

Меркнет день. Одинока луна.
Перевернута черная лодка.
Из рыбацкого тлеет окна
слабый свет осторожно и кротко.

И, холодным туманом дыша,
ходит лошадь, сверкает уздечка.
Даль повисла. Немеет душа.
И изогнуто светится речка.

ЗА ОГРАДОЙ

Падает скошенный снег,
пламя в чувале раздуто,
нам уготовлен ночлег
в черной избушке якута.

Вяжет хозяйская дочь,
спицы — гуда и обратно.
А на болоте всю ночь
бьется в капкане ондатра.

Вяжет хозяйская дочь,
петли устало считает.
А за оградой всю ночь
лайка на озеро лает.

В печке поленья жует
неумолимое пламя.
Утром ондатра уйдет,
снег и осоку кровавая.

РАННЕЙ ОСЕНЬЮ

Вспомним юное время, сестра,
Ранней осенью, словно впервые,
Полетела с деревьев листва
На мосты и луга золотые.

Я стоял и смотрел на полет,
Было в нем столько тихой печали,
Ты сказала, что это пройдет,
И слегка удивилась плечами.

Над парчой и дерюгой болот
Вознеслись облака и разлуки,
Ты сказала: «И это пройдет.» —
И погрела дыханием руки.

Отчего ж этот лиственный свет,
Перешедший в огни золотые,
Не проходит уже столько лет,
И летит, и летит, как впервые?

Уходит юности пора,
Потрескалась земля оврага,
Победоносно детвора
С халвой несется от раймага.

Мы были с озорством в ладу,
И подчинялись только силе,
В рябом затоптанном саду
Чужие огурцы делили.

А после уходили в бор,
Где наша армия скрывалась,
Через проломанный забор,
За нами зрелость пробиралась.

Я люблю наблюдать спозаранку,
Еще в озере светит звезда,
Утка серая в роли подранка,
Тщетно манит тебя от гнезда.

Волны острые в озере блещут,
И вода их не может унять,
Птица бедная крыльями хлещет,
Приготовься все муки принять.

Вот сердечко, как веточка, хрустнет,
Тонкий носик в осоке мелькнет,
Это утка поближе подпустит,
Затаится и снова нырнет.

Так и счастье все ниже и нйже
К моей лодке из дыма плывет,
Но, как утка, подпустит поближе,
Ах, подпустит, и снова уйдет.

***И звезда
высоко - высоко***

МЫ САМИ У ПРИРОДЫ В КУЛАКИ

Через поля иду, через лесок.
От солнца сдвинул кепку на висок

Где берега пологие — к реке,
засну с большим кузнечиком в руне

Он лапками царапает ладонь,
как будто в кулаке горит огонь.

Я жизни у него не отниму
я дам свободу и весь мир ему.

Он спрыгнет и замрет недалеко
Мы сами у природы в кулаке.

ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ СТАРИНЫ

В общество охраны старины,
где с утра посвистывал кофейник,
вытерев о плашечку пимы,
заходил я каждый понедельник.

За окном летали снегири,
и с утра с ответственным значением
с круглым апельсиновым печеньем
пили чай ответсекретари.

В общество охраны старины
было солнце из большого сада,
крохотно, как зубки из десны,
пробивалась в ящиках рассада.

Жизнь крепка, как ветер из окна,
как весною на деревьях почки.
Жизнь крепка, хоть иногда она
тонкая, как жилка на листочке.

В обществе охраны старины,
в комнате торжественно задорной,

густо пахло воздухом весны
и еще рассадой помидорной.

В сейфах были заперты века,
и в бутылке веточка дрожала,
ниткой перевязана слегка,
в папке вся история лежала.

А в окно, мужая и искрясь,
годы, ветры, ветки дерзко били.
На историю облокотясь,
чай из блюдца секретарши пили

Елки спрятались в белые латы,
Жестким снегом покрылась земля,
И в капканах тугих свои лапы
На болотах грызут соболя.

А в избушке, пропитанной чадом,
С потолком, облепленным смолой,
Пили чай мы, заваренный чагой
И какой-то дремучей корой.

И в избе, где холодные шторы,
У винтовок в ночной тесноте
Туго запертые затворы
Отражали луну в темноте.

Мы ладонями чагу рубили,
Гнали мысли тоскливые прочь,
Черный чай мы задумчиво пили,
Черный-черный, как черная ночь.

ПОД ЖЕЛТОЙ КРОНОЙ

То взволнованной речушкой
Лодку верткую веду,
То в охотничью избушку
Летом поздним забреду.

Поживу под желтой кроной,
Мудрость старая проста:
Там топорик, соль, патроны
И сухая береста.

Сыплет сверху хвоей мелкой
И осиновым листом,
Иль встревоженная белка
Чиркнет огненным хвостом.

Соль пополню в той коробке.
К печке выложу дрова
И уйду по старой тропке,
Где разгладилась трава.

Пожелаю ягод птицам,
Листьям с ветром трепетать.
Хмелю сладостному — виться.
Свету солнца вечно — длиться.
Зверю быстрому — бежать.

Подранок

КОРШУН

Там среди гор, где небо шире
В невыносимую жару,
Сидит он на крутой вершине
И точит когти о скалу.

Там в небе лютом, круг за кругом,
Он разбивает тишину
И зрит в краю чужом подругу,
Чтоб поднялась с ним в вышину.

И оттого, что он заметен
На небе слишком далеко,
Его охотник на рассвете
Сбивает метко и легко.

...Пугая тонких птиц по лугу,
На мир недвижно он глядит
И — мертвый — по большому кругу
Над хаосом земным пари г.

С НЕБОМ ЗАОДНО

Костер у старого причала
под звездами горит всю ночь,
и кажется, что здесь начало
всему, что улетает прочь.

Взлетают искры ввысь, мигая,
туда, где страшно и темно,
туда — во тьму, где мысль нагая
с холодным небом заодно.

Михаил Андрее

КОРНИ

Там, где кроты рыли
Темные норы в земле,
Корни деревьев жили
В глине сырой и мгле.

Подземные слушая **токи**
И гул холодной земли,
Шум величавой осоки
Расслышать они не могли.

Там, где кроты рыли
Норы свои у дорог,
Гибкие корни жили,
Но я их расслышать не мог.

Над ними радуга **висла**.
Птичий носился гам.
И было великого смысла
им столько дано — сколько нам.

НА РОДИНЕ

Там реки весною ревут,
в клочки берега разрывая,
на нерест лососи плывут,
о камни себя раздирая.

Там пули в туманах свистят,
пронзая кедровники глухо,
и через осоку летят
в лосиное темное брюхо.

Там прочен дворовый заплот,
и лайки на шорохи лают,
и между брусничных болот
старухи пшеницу сжинают.

И гнутся, и гнутся серпы,
и ветер по крышам гуляет,
и запах кержацкой тропы
свободой тебя овекает.

Наталье

Наши с тобою места —
этот заброшенный сад,
падает в ноги листва,
скажешь ты: письма летят.

Через года, через даль
вновь налетают и вновь:
в желтых конвертах — печаль,
в красных конвертах — любовь.

Листья летят высоко,
что же к земле их влечет?
Не переменит никто
этот свободный полет.

Вот и опять без причин
ветер студень принес
красные листья осин,
желтые листья берез.

///: ЧЛЯННЫЙ ДРУГ

Ты знаешь, нечаянный друг.
Что в жизни поступишь — не вдруг-.
Она все заметит сквозь мрак.
Ответит на каждый твой шаг.

Гак лист в предосеннюю нору
согнется, прижмется к забору,
окончив свободный полет.
1а тайны, что видел, за волю
отмщения страшного ждет.

Бричку трясет на коровьих следах,
сладок туман в предрассветную нору,
листья сжигают хозяйки в садах,
едем учиться в начальную школу.

— Что там за небом и кто там жиме і ?
— Что выше всех за луною полоти?
Конюх нам вожжи и кнут подает
— Правьте, ребята, земною дорогой

Широкоспинные заливы
и тонущие берега,
склоненные на воду ивы,
а дальше все стога, стога.

Сквозь кроны тонкие оконца
туман младенческий течет.
Чтоб раньше всех увидеть солнце,
трава на цыпочки встает!

ОПЯТЬ ЗАСТАВЯТ В ЭТУ ЗВ! Ш,...

Опять заразная весна,
опять несут на свалку санки,
вылизывает дочиста
собака дно консервной банки.

Опять заставят в эту звень,
чтоб меньше уставали клетки,
пить по одной три раза в день
невыносимые таблетки.

А ты, покорная судьбе,
спешишь всему раскрыть объяття,
перебирая на себе
оборку маминого платья.

И вслух читаешь дерзкий стих,
худой собаке гладишь космы,
стеснясь в мире лишь одних
двух тихих следиков своих
прививки на руке от оспы.

За речкой Томью было это,
где били вьюги наповал,
на чердаке спорткомитета
я третью зиму зимовал.

Я жил. Влюблялся. Мылся в бане,
смывая сажу и грехи,
и на березовом чурбане
писал о родине стихи.

В двойные рамы ветры дули,
и секретарши, как родне,
из-за любви к литературе
квас в банках приносили мне.

Пах воздух сладким медом в сотах,
был квас холодным, словно лед,
как будто косточки на счетах,
летели наши дни вперед.

Я жил. Раз в год белил простенок,
жизнь изучал наверняка

и на пленительных спортсменов
смотрел сквозь щели чердака.

Там во дворе росли петунии,
и, словно цапли на лугах,
ходили юные прыгуны
с царапинами на ногах.

И понял я, ловя дождемки,
забыв мирскую суету,
что приземляешься в опилки,
когда взлетаешь в высоту.

Так жили мы. Любили будни
и лето со слепым дождем,
и планку ставили нам судьи
на гвоздик выше с каждым днем.

ЖСК АВА ТОР

')кскаватор копает в карьере,
и колодец идет в глубину,
ныгупаюг на стенах капели,
ударяют по мерзлomu дну.

И чем глуше колодец — тем тоньше
па стене слой холодной воды,
н чем глубже колодец — тем больше
по краям и на дне темноты.

¹)кскаватор копает в карьере,
разбивая ковшом тишину.
Машинисту не слышно капели,
и свой голос не слышен ему.

Гнется воздух от силы железной,
маши тайна немой глубины.
Гам, в объятых разбуженной бездны,
тьма и свет безысходно равны.

В заготпункт, где с утра много крику,
где берут чебаков по рублю,
сдам орехи, грибы и бруснику
и билет до столицы куплю.

Там ночами собаки не лают,
варят фабрики яблочный джем,
там меня очень сильно ругают,
что я жизни не знаю совсем.

В заготпункт клюкву сдам для варенья,
чтоб рублей мне хватило вполне,
чтоб на душу всего населенья
было больше варенья в стране.

И махну до столицы под осень,
окунусь в сс жизнь с головой,
если будут к приезжим — не очень,
то в стогу стану спать под Москвой.

Будет петь возле стога синичка,
будет солнце всходить из ветвей.

о любви мне расскажет москвичка
и в какой-нибудь сводит музей.

А когда вмерзнут в заводи лодки,
я вернусь под кедровый свой кров
и пошлю ей в красивой коробке
золотых-золотых чебаков.

Что я в жизни успел? —
Дед сосчитать велел.

Я прошел до конца
курс молодого бойца.

Имя твое навсегда
так я сумел написать,
что никакая беда
не сможет его растерзать.

Место нашел у реки,
где лучше клюют чебаки.
И понял: чулымские травы —
пронзительней славы.

Туман низиною ползет,
нас катер медленно везет
в такой невыносимой рани.
Ты руку вытянешь вперед —
и до локтя рука в тумане.

Плывет наш катер налегке
в объятьях утреннего рая,
туман — напололам — в реке
тугою мачтой разрезая.

Плывем с тобой на Усть-Юму,
там жизнь трудней и сосны тоньше,
твой лоб в тумане и дыму,
и нет пока что счастья больше.

НОЧЬЮ ВСПОМНИШЬ

*Родителям:
Капитолине Алексеечт •
и Василию Максимовичу*

Столько клюквы в российских болотах,
ночью вспомнишь — и спать неохота.

Эту ягоду медленно рвешь,
и корзину пока собираешь,
много разного переберешь,
передумаешь, перестрадаешь.

Не хожу я туда потому —
тяжело выносить одному.

ВДАЛИ ОТ МИРА

Вдали от мира, где волна
Играет в речке сиротливо,
Растет корявая сосна
Из темной трещины обрыва.

Случайный путник на плоту
Вниз по теченью пронесется,
На одинокую сосну
Но чьей-то воле обернется.

Который век, как черный крест,
она под ветром леденеет.
И отрешенный, строгий лес
не признает ее своею.

В КАРЬЕРЕ

В карьере, где в разломах — дым
И дождь — о жесткую кабину,
Погрузчики ковшом большим
Накладывали в кузов глину.

Там ветер по ступеням дул,
О камни острые ломался,
Холодный и всевластный гул
Из черных трещин вырывался.

Он долго был в плену земли,
Во тьме неведомой томился,
И, вырвавшийся из глуби
(как ястреб, жаждущий крови),
Над звуком бранным возносился.

НОСПОМИНАНИЕ

Внутри Богашевского сада
Вся жизнь протекала как надо,
Но как ты со мною не билась,
У нас ничего не сложилось.

И ты от меня уезжала,
Ля на перроне стоял,
Ты пальцами к стеклам припала,
Ты слева направо писала,
Но все, что ты мне не шептала,
Я справа налево читал.

БЕРЕЗА

Над речкой высоко-высоко
Береза растет одиноко,
Над пропастью корни провисли,
Поникли усталые кисти,
Как ветра застывший порыв,
Вознесся сыпучий обрыв.
Плывут над вершиною тучи,
И веток всевластен размах,
И держит березу на круче
По жилам расплывшийся страх.

ЗА ОБЬЮ

Там в объятиях темных легенд
Стынут ночью глухие ограды,
Со стогов обрывают брезент
Молодые ветра в листопады,

Там в большом заболоченном рву,
Где листва осыпается глухо,
Собирает в корзину траву
От усталости вечной старуха,

Там березы в туманах стоят,
И по небу от края до края,
С них бездомные листья летят,
До суровой зимы долетая.

Кедровник начисто срубили,
А были кедры хороши,
Когда рубили, говорили,
Что рубят на карандаши.

Дымят встревоженные дали,
Ворчит обугленная гать,
Карандашей-то настрогали,
А что же ими рисовать?

Мы жили в самый нужный век,
Катали круг от бочки,
И собирали для аптек,
Березовые почки.

Росли из трещины земной
Ростки цветов угрюмых,
С веселой и непоказной
Жестокостью всех юных.

Свет в тьму переходил в реке,
Поляны — в поле хлеба,
Лишь только небо вдалеке
Переходило в небо.

И счастье грезилось в скворце,
И в сердце были дали.
И безразлично, что в конце,
Когда любовь вначале.

** *

Был из крепкого я теста,
У костра верхонки грел,
И законно койко-место
В общежитии имел.

Понимал я силу ласки,
Ребятишек угощал,
И в своих рассказах краски
Меньше нужного сгущал.

Стрекотал в траве кузнечик
И медведей всех будил,
Я с бригадой возле речек
Леспромхозы возводил.

Птицы весело летали,
Ос клевали налету,
В перерывах мы глотали
Магазинную еду.

Я привык ко всем заботам,
Было больно — не орал,
В выходные по субботам
На окошке загорал.

Снились нам миры иные,
Героини разных драм,
Комендантши молодые
Улыбались по утрам.

А земля всю крутилась,
Дуло с неба холодком,
И в реке лесной светилось
Солнце с рыжим ободком.

СОН

Я жил в бревенчатом мосту,
Ловил по радио Москву,
Старался не заснуть подольше.
Мой дом был без дверей и рам,
Я вверх с утра глядел, а там —
Одни избитые подошвы.

Я думал, это главный мост,
Ходил, поднявшись в полный рост,
И сквозняки летали снизу,
Листал судьбу я, как роман,
И в мир смотрел через туман,
Как часовщик в часы сквозь линзу.

Я жил. В карманах руки грел,
И только воздухом владел,
Читал о будущем и прошлом,
Глядел я снизу на людей,
Пытаясь отыскать друзей,
По истоптавшимся подошвам.

Свет в щели лез, как осьминог,
Над головою потолок
Простуженно скрипел и гнулся,
В учебе с детства был хорош,
Но только до людских подошв
С большим трудом я дотянулся.

Но тверже в мире истин нет,
Чем на зубок познать рассвет,
Стуча зубами утром ранним,
И сколько в школе не учись,
Всегда умнее будет жизнь,
И крепче не отыщешь знаний.

Я жил в бревенчатом мосту,
Как будто снайпер на посту,
Как йог из воздуха брал силу,
Студент с утра с метлой витал,
И листья желтые сметал,
В мою веселую «квартиру».

Эх, вольность моего моста,
Полет кудрявого листа —
Но в мире сложно все и мудро.

Заваленный густой листвой,
Как в одеяле с головой,
Лежал я каждый день под утро.

И оттого, что жил в мосту,
У ветра только на виду,
Ловя удачу,
И сгорбив спину за столом,
Я становился сам мостом,
А как иначе.

Соединялись времена,
Далеких предков имена,
Моря и суши.
Мне нравилось мостом быть тем,
Что сводит вместе насовсем
Людские души.

И люди шли и шли по мне,
Зимою шли и по весне,
В дожди, в метели,
И летом с раннего утра
Сенокосилки, трактора
По мне скрипели.

Стихи оставя на потом.
Работал я весь день мостом,
Где отдыхая,
И много, много, много лет
То с ночью день, то с тьмою свет
Соединяя.

...Спасибо воздуху реки
И пароходу за гудки,
Влюбленным парам.
За то, что пыль ко мне сметал,
Листвой продрогшей укрывал,
Спасибо, парень.

Спасибо вам, земля, река,
Обрывистые берега,
Что жить учили,
Спасибо волнам на реке,
Речным трамваям вдалеке,
Что просто были.

Кто там теперь живет в мосту,
Лелея дерзкую мечту,
Быть к звездам близко,

Разводит на песке костры,
Под одеялом спит листвы?
Держись, парнишка.

О райское житье в мостах,
В подвалах и на чердаках
Москвы, Парижа,
Так было испокон веков,
Летели в космос с чердаков:
Оттуда ближе.

Оттуда ближе до весны,
До неразгаданной листвы,
До снеготала,
Да здравствует во все века,
Дух временного чердака,
Моста, подвала!

Держись прямее на земле,
Смотри, как утром на заре
Туман растаял,
Там справа, как зайдешь, дрова
Зажжешь, — и вспыхнут как слова -
Тебе оставил.

Земной срок

Вечерние, тусклые блики,
Устало сверкает звезда,
Бидоны полны голубики —
Заступишь за кочку — вода.

Но вот на тропинку свороток
И знак на сухой бересте.
Торопимся. Отдых короток:
Успеть бы домой к темноте.

Все тихие тайны природы
Скрыты. И лишь в вышине
Деревья бушуют, как воды
Во властной шумят глубине.

ОХОТНИК

Ртом с ладони попробуешь снег
И проверишь патроны в двустволке.
Ты один здесь живешь — человек,
Остальные лишь лоси да волки.

Ночью встанешь, собак позовешь,
Сухарей им в кастрюле размочишь,
И опять себе честно соврешь,
Что нисколечко к людям не хочешь.

Широк над озером рассвет,
И велика туманов сила.
Сломался мой велосипед:
Штанину цепью закрутило.

Лежу в поломанной траве,
В песке холодном руки грею,
Перебираю в голове
Все, что на свете я имею:

Пырей, осока — все мои,
И на фуражке муравьи,
Саранка вкусная к обеду,
Два ниппеля к велосипеду,

Еще сеть небо у меня,
Поля, рассветы на планете,
И кажется, что все родня —
Леса, озера, птицы, дети.

Минута есть у нас такая:
когда на поле гладь и тишь,
раскинув руки, замирая,
вдруг в небо мысленно летишь.

Взлетаешь вверх — просторно, вольно!
И в грудь пространство давит больно.

Летишь, и в мире все понятно.
Пересекает птица путь.
Когда спускаешься обратно,
еще сильнее давит грудь.

ВОЛК

Ветры тучи в клочья растрепали.
Снег струями по полю ползет.
Старый волк, отбившийся от стаи,
По лесу иссохшему идет.

Страшен волк. Глаза его упруги.
Лоб туманом белым обнесен.
Но прекрасен: средь кромешной вьюги
срока на земле не знает он.

Все меньше верится словам,
и горше времени уроки,
все тяжелее по стволам
идут живительные соки.

Жизнь не идет сама собой,
и мало зрелищ нам и хлеба.
Все неотступней пред душой
стоит безвыходное небо.

*Нетелефонный
разговор*

СТОЙ НА СВОЕМ

Весна. Потянуло укропом,
скотиной чумазой, жильем,
а ты, зачарованный роком,
стой все равно на своем.

Ты стой на своем и без спору,
стой годы и жизни подряд.
Так тучи в дождливую пору
на небе дождливым стоят.

Нащупай поляны грибные,
изведай целебность сосны,
и пусть тебе все городские
завидуют хвастуны.

Все это достойно картины:
телеги, оглобли, дрова,
осины, осины, осины —
фланелевые острова.

А если неправда все будет:
и небо, и лес, и окно,
и дождь, тот, что озеро студит, —
ты стой на своем все равно.

ТЫ НЕ ДУМАЛА ВСЛУХ ПРО ОТЧИЗНУ

Ты на танцах еще в горсаду,
словно бабочка, нежно витала
и Григория Сковороду
никогда ты еще не читала.

Никогда ты еще не врала
и не думала вслух про отчизну —
никогда ты еще не жила
человеческой правильной жизнью.

КОСТЯНИКА

Есть места, где весело и дико,
там танцует в зарослях река
и стоит стеною костяника,
словно регулярные войска.

Там под осень будет все забавней:
небо глубже, величавей пруд.
Там бидон с аптечной белой марлей
мне под эту ягоду дадут.

Есть места. Они чудны и в слякоть.
Вот откуда этот мир велик.
Костяника: косточки да мякоть —
жизни неотмеченный тайник.

В НАСТОЯЩЕМ

Оседают первый снег,
на паромы быстрых рек,
на кедровые вершины,
кинофотомагазины.

Мы живем всегда вчерашним,
нашу душу теребящим,
иль о будущем поем,
почему-то настоящим
совершенно не живем.

А на шины и подошвы,
где поменьше, где побольше,
на велосипедный трек,
в настоящем, а не в прошлом
налипает первый снег.

Я еще его увижу —
разгляжу его поближе
сквозь ушедшие года, —
как он к желобочку лыжи
прилипает навсегда.

ГЛУХОМАНЬ

Дома в сугробах темных тонуг,
и, разбивая сладость снов,
в оградах проволоки стонут
с цепями осторожных псов.

Бытует быль и небылица,
и настоятельно в обед
дается мерзлая кислица
к столу уже две сотни лет.

Там, погруженная в мечтанья,
спит глухомань на тыщи верст,
и есть местечко для свиданий
в окне толпе бессонных звезд.

Там жнет народ и ладит сани,
и песни долгие поет,
неторопливыми мечтами
путь пролагает он вперед.

НИЧЕГО НЕ БЕРИ НАСОВСЕМ

Вот костер, где руки греешь,
волны вот, а вот вокзал...
Все, что ты сейчас имеешь, —
положи туда, где взял.

Звездам, что играют в прятки,
путь до дома укажи,
все по прежнему порядку,
все на место положи.

И служи, счастливец, лире,
никогда не знай дилемм,
ничего в просторном мире
не бери ты насовсем.

Наметет сугробы ветер —
жизнь возьмет в водоворот.
Все, что есть на этом свете,
эх, не унесешь — на тог.

Что молчишь? Ну что ты нажил?
Как судьбе своей ты внял?
Все, что не имеешь даже,
положи, откуда взял.

СКАЗ О КОРОВЕ

В одном большом районном центре,
где по бокам стоят две церкви,
о Боге ведая молву,
я пас пятнистую корову,
что на рогах несла корону,
ища хорошую траву.

Шли грозовые тучи в небе,
кукушка плакала о хлебе,
летела в поле по кривой.
Я пас пятнистую корову,
глядел на это участковый,
качая умной головой.

Шел съезд народных депутатов,
и там один из делегатов
хвалил целебную красу,
все выступал по процедуре...
и все ж сказал, что я в натуре
неправильно коров пасу.

Был недоволен мной инспектор,
Госстрах, главбух, один директор,
завгара два и военврач,
и вновь приехавший завклубом,
пускавший дым огромным кубом,
был недоволен, ну хоть плачь.

Я пас пятнистую буренку,
похожую на пятитонку,
ну а скорей на гардероб.
Я жил, судьбы не понимая,
в условиях земного рая
и получал, конечно, в лоб.

Я жил, как будто ненец в лодке
вдаль смотрит, растопырив локти,
Гидрометцентр всюю кляня,
я ненавидел телешоу
и тех, кто больше Терешкову
любил, чем малое дитя.

Корова же жевала жвачку,
напоминала водокачку.
И мысли бились в голове.

Лизнуть хотела депутата
«шершавым языком плаката»,
идя по скошенной траве.

Ее огромный животина
скорей напоминал картину,
где в поле три богатыря;
она несла большие ноздри,
которые, конечно, мерзли
в туманах белых сентября.

И верой я служил и правдой
с репейниками, как с кокардой,
весною собирал колбу.
А было невтерпеж эпохе —
на полубморочном вздохе
три пальца подносил ко лбу...

И я служил своей отчизне,
не доверял красивой жизни
и на вопросы отвечал.
Как полевой весенний птенчик,
коровий маленький бубенчик
до неба самого звучал.

БЫЛА ВЕСНА

Была весна, и дни покорны,
в пекарнях вкусно хлеб пекли,
и густо шиферные волны
по крышам медленно текли.

Была весна; сады кружили,
листва по улицам ползла.
Родители нам разрешили
гулять сегодня допоздна.

Горело небо, словно лампа,
и по руке гуляла дрожь,
и у центрального почтамта
развертывался крупный дождь.

И с неизведанной вершины
дождинки делали витки,
и молча грузчики с машины
сгружали хлебные лотки.

ПОНИМАНИЕ

Осень. Лужи. Листопад
чем сильнее, тем противней.
Озадачивают сад
обязательные ливни.

Кадка ягодой полна,
все поэтому в порядке.
Облака похожи на
кукурузные початки.

Пар главенствует в избе,
под сплошное одобреньс
мирно трудится в трубе
парового отопленья.

Лудят люди решето,
вслух горланят очень дивно.
Философствовать про то
в общем-то не эффективно.

Много всяческой муры.
И на все это, однако,
смотрит днем из конуры
с пониманием собака.

ДРЕВО

Ветром корни у древа обдуло,
До крови оголило кору.
И в объятьях подземного гула
Это древо стоит на яру.

Непреклонно стоит и без страха —
Неподвластное памяти дней.
С чудотворным, великим размахом
Потаенных и гибких корней.

Обжигают его суховеи,
Налетают и пламя, и лед.
Как змея под рубахой твоею, —
По корням его холод ползет.

И стоит оно в вечной обнове,
все пространство надеясь обнять.
Все, что миру дано, — готово
на усталые ветви принять.

ЗА НАРЫМОМ

Нет никого, лишь темнота,
да старый дедовский уклад,
да крепко переплетена
крапива с хмелем у оград.
Нет никого на три версты,
и тонут заводи в веках,
лишь звезды в небе, что кресты
на верующих мужиках.

РАЗГОВОР С ДЕДОМ

Соками клевер полон,
ветер по полю вьюжит,
и над полями ворон,
не умолкая, кружит.

Клевера бросит в ясли
дед, проворчит несмело:
Белые рубят красных,
красные рубят белых.

Дед, а за что воевали,
что не сиделось в хатах?
Эти, чтоб не было бедных,
те, чтоб не стало богатых.

Солнце восходит ясно,
много черешен спелых.
Белые рубят красных,
красные рубят белых.

Мир далеко-далеко
виден в окошках узких.
Русские рубят русских,
русские рубят русских.

ОПЯТЬ НАХЛЫНУЛИ МЕЧТЫ

Весна. И лист упрям и нов,
как молодой красивый Герцен,
и получай сто (вместо снов)
величественных индульгенций.

И получай переполох,
и сбившиеся наземь тени.
Опять «застукала» врасплох
весна печальные сирени.

И школьники пригвождены
лучами солнечной лавины,
навек освобождены
от зависти и дисциплины.

Опять нахлынули мечты,
и ветры в двери бьют и рамы,
от темноты до темноты
пронизывая капилляры.

Вот-вот ударит первый гром,
и ловит ртом капли гений,
и пар восходит над лотком
от хлебобулочных изделий.

*По материнской
линии*

ВОТ ОНО, УТРО

Волы думают медленно так же, как и жуют,
жиры расщепляются на что-то и углеводы,
так мир создает себе уют,
имея в помощниках даже подземные воды;

Евангелие и бульдозеры — это не всс торжество,
что-то еще есть, как нерукотворное утро,
обязательное, заспанное все,
простое, как просьба: не понял, перескажите
по буквам.

БЕЗ ПРИКРАС

Все закономерно: немеют пальцы, вложенные
в рану света,
убывают дни, и в горле мечется ком;
высокопарны они, не помогают при этом,
как при ангине сода с парным молоком.
Все закономерно: не живут долго буквы —
сменяется «ять» на «е»
быстро, как будто
переворачиваешь рыбу на сковороде.
Сменяются весны, и паромы наводят,
солома на поле вытаивает без прикрас,
и бытие в небытие переходит
просто, как школьник из класса в класс.

ЭТО ВСЕ ТАК

Накричали галки тепла в поле,
день начался ни с того ни с чего опять,
а к полудню так размягчится воля,
что невозможно какую-либо мысль поймать.
Это все так. Плуг выворачивает землю и служит лире.
Это все так: ложится черная земля на живот.
И счет начинается с раз, два, три, четыре,
хотя должно быть наоборот.

ТЫ БЫЛ ПРАВ

Жизнь существует без доказательств,
за эту мысль с детства держись;
без каких-либо там обязательств
существует к тому же жизнь.
Ты был прав, что вначале восславил
эту самую будущность дней,
а потом по порядку расставил
непонятную сущность вещей.

ПТИЧИЙ ГАМ

Тело разделено на три отдела: голова, грудь, брюхо;
и ты проживешь, если имеешь немного нюха,
но это плохое ученье,
поэтому будь почтителен к деревьям, к судьбе,
как малый круг кровообращения
крутится и почтителен сам к себе.
И люби больше непреклонный космос и птичий гам;
жизнь, она, к сожаленью, не кукла.
А захочешь подарить книгу, прочитай се вначале сам,
чтоб наслоилась целебная сила на буквы.

ПРОСТРАНСТВО

тянутся соки по древу
на матовый свет
время имеет срок годности
тоже несколько лет

Если хранить по-другому
не сохранятся они
ни воля ни древо
ни мрачные дни

Все пройдет: даст трещину пирамида Хеопса,
в которой будут господствовать время и мыши.
И вот уже надо бороться,
чтоб дворники сбросили снег с крыши.
Все пройдет враз. Сломаются быстро стены,
время и пространство изогнутся по закону Лема.
И только выходит из строя постепенно
мочеполовая система.

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

Ночь — доказательство дня, это ты знаешь,
суть звезд в том, что в вышине они.
Вытесненное пространство вещь вытесняет
пространство другое. Лежи и /думай, и в небо смотри.
Бурундук прибежит на пенек еловый,
вскочит он на него и смотрит — что же там в
стороне?

Все — доказательство зари новой,
даже кувшин, у которого суть в пустоте.
Хватит на всех хлеба, солярки и песен,
прямой наводкой бьет по лесу заря.
Лежи и думай, что мир так нелеп и тесен
и что спать на закате нельзя, говорят не зря.

ПЯТИХАТКА

*На улице Никитина для
сотрудников
университета есть общежитие с
веселым названием Пятихатка...*

Что такое Пятихатка? —
дом, как будто питекантроп,
с вкусным супом из ельцов,
с чугунами, котелками,
с пятипальными руками
пятихатовских жильцов.

Что такое Пятихатка? —
сыплешь сахар — все не сладко,
лишь под утро сладкий сон;
на приступочках петунья
и глазастая глазунья
на сто двадцать пять персон.

Там сидят вахтеры важно,
там друг друга знает каждый,
ночью лампочки горят,
двери там, как будто уши

у слонов, и можно слушать,
что в Кувейте говорят.

Пятихатка, пятихатка,
как ондатровая шапка,
нахлобучена на мир,
до Луны оттуда близко,
и сидит на крыше киска,
ловит лапой светлый миг.

Лестницы у Пятихатки,
что у юношей лопатки —
неприкаянно торчат,
и, как лекторши на курсе,
на нескладной темной кухне
утром чайнички журчат.

Там в руках играют спицы,
на окне сидят синицы
и зовут другую рать,
там скрипят полы устало,
и народу все же мало,
чтоб китайцев перегнать.

Пятихатка, Пятихатка,
ты девчонка из Итатки,
что шмыгнула на паром,
а потом в большущий город
ты пришла, где жгучий холод,
жизнь оставив на потом.

Пятихатка, Пятихатка,
ты цветов лесных охапка,
ты меня к себепусти,
ты грешишь еще сильнее
и поэтому святее
всех поэтов на Руси.

Отмирают быстро клетки,
под годами гнутся ветки
в молодом лесу густом,
и стоишь ты, пятихатка,
будто детская кроватка
на крылечке золотом.

*Пока по имени
не позовут*

НЕБЫЛЬ

Небо не обладает гуманностью, как и земля;
от этого худеешь, хотя ешь много хлеба.

Материя — реальность, существующая независимо

от тебя,

это обидно, и ты предпочитаешь небыль.

Так живешь. В щитовидке колышется йод;
через рамы пробивается северный ветер,
а то вдруг святое письмо по почте придет,
и надо списать его 22 раза за вечер.

СЕЗОН ОХОТЫ

Утки летят из Индии в мае,
сезон охоты начался всласть,
чучела сибирские охотники разбросали,
чтоб эту радость у жизни украсть.

Расстоянье внутри нас всего длинней;
прет радость каникул в этот день понурый,
и нет ничего хуже в жизни разгневанных учителей
русского языка и литературы.

ГОРОДСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Тополя прикарманили ночью
электрический свет.
Еще ни воров на свете,
ни журналистов нет.

Все еще не действительно,
нету отсчета веков,
и где-то приблизительно
пять или шесть часов.

К ТОМУ ЖЕ

Чавкает сытно трясина, манит к себе она.
Неустойчиво все: небо, любовь, страна.
Один глаз закроешь — пространство смещается вбок,
и снова с большой буквы писать стали слово «Бог».
С 'ок делает травы сочными в тальнике,
время течет по-разному в каждой руке.
Когда идешь по болоту, уставший, издали,
свободной должна быть хотя бы одна рука.

ДО КРАЕВ, ДО ОКРАИН

Было глухо, как в танке,
только темень вы нам не пророчьте,
мы заполнили бланки,
привязанной ручкой на почте,
мы заполнили бочки
на случай пожара лесного
до краев, до окраин,
до последнего слова.

ПОКА ПО ИМЕНИ НЕ ПОЗОВУТ

В гуще событий будь, не становись
поперек товарищам, себе, никому;
если есть возможность, заглядывай ввысь,
а увидишь колодец, обязательно смотри в глубину.
По борту лодки размазанная икра —
это полпоколенья страны, неважно какой.
Играй в игру, где все неясно, пока
сверху по имени тебя не позовут домой.
Даже царь два раза никого не казнит.
И смысл мироздания расплывчатый, как репчатый
лук.

Это только вселенная делает вид,
что любит тебя и все вокруг.
В гуще событий будь. Иди, пусть ведра
раскачиваются тяжело, как беда.
Так тяжела лишь заря с утра.
А в ведрах время, любовь, ключевая вода,
наполненная до самых дужек ведра.

ВОЛЯ И НЕБО

Воля и небо прогибаются плавно,
и непонятно, какой день главный.
Голову — в небо и долго смотри
и самому себе не соври.
Мысль поведет и не даст упасть,
хотя она от природы и скованна,
да к тому же бифштекс объективнее, чем страсть
в последних квартетах Бетховена.

В ЭТО ЛЕТО

Спарта не дала миру поэтов,
слово «энергия» не переводится как «Бог»,
и усиленное питание в это лето
ничего не дало, как бы ты ни был готов.
И поэтому, восхищаясь мирами иными,
нам остается, по-философски взирая на жизнь,
наблюдать, как язык бугорками своими
преодолевают роскошную мысль.

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ

Жизнь начинается со щелчка выключателя
в родильном доме.
Почки на березах лопаются, как в бреду.
Явился с повинной последний день апреля весь в
солومه,
немытый, нечищенный, точно как в прошлом году.
Нет выше счастья, когда переносное и прямое
значение слов совпадают. Сосет у виска,
и облака дошкольного возраста за горою
летят и не знают, что такое земная тоска.
Жизнь начинается. Ноги засовывай в стремя,
скачи, пригибайся и снова скачи налегке.
И в точности как человек, время,
облокотившись на стол, смотрит — что там вдалеке?

В небе высоко плывут облака и плывут,
будто бушлаты в холодных вагонах везут.

Чтоб зеленела трава у крыльца твоего,
семь раз отмерь и не режь ничего.

ДОЛЖЕН ЗНАТЬ

Вычерпываешь воду из лодки дотемна,
лишь бы вовремя увидеть поворот, иначе сполна
нахлабашься воды. Путь у всего один,
рассыпчатый, как во рту аспирин.
Путь один. Но ты должен знать, что под тобой
живая трава,
и что ты должен куда-то вернуться,
и что влажная до боли ива вечно жива,
потому что умеет под ветром гнуться.

Пока по имени не позовут

ДИАЛЕКТИКА ПРИРОДЫ

За борт лодки руками не держись,
теряется устойчивость и с нею жизнь;
хотя жизнь горька, как осиновая кора,
а смерть, как стрижка волос, проста.
Ты все это прочитал и знаешь, в чем суть.
Но еще бы чуть-чуть, еще бы чуть-чуть.

ЖИЗНЬ РЕАЛЬНА

Вот они, радости, перед тобою,
где философские рассужденья не затоптать ногой.
У кротов нет надежды, поэтому под землю
они живут и думают, что так и должно быть
над головой.

Жизнь реальна, как корь, как ветров дуновенье,
как запомнить соседа в лицо, как просто пить.
Насекомое богомол в два счета отмолит прощенье,
а ты должен натягиваться, как нить.
Вот они радости: их смысл — это нега.
Уходит осень, но листья продолжают нутро твое жечь;
а за радостью обязательно — пустота толще белого снега,
жесткая, горькая, как медвежья желчь.

Пока по имени не позовут

И СКРИП СУСТАВОВ У СОЛДАТ

Должно все пламенем гореть
Без трепетного вдохновенья
И не обязано иметь
Первостепенного значенья.

Не различим сквозь сто преград
И безразлично одинаков
И скрип суставов у солдат,
И блеск звезды созвездья Раков.

Должно все полным быть, пока
Одной судьбой мы с вами свиты,
И в небе плоском облака
Битком под горлышко набиты.

Должно же все-таки иметь
Необязательное сходство
И на одном костре гореть
Писательство и скотоводство.

Должно быть слитно все, дружок,
как шум песка на перекатах
и в сельской школе кувырок
на неумных жестких матах.

*Только росток
правильно путь
выбирает*

СМЫСЛ

Слабенький отголосок,
тот, что исходит извне;
несколько лунных полосок,
качающихся на волне,
жизнь — расписная клеенка
обеденного стола,
что пищевой содой
затерли всю добела.

ПОКА ТЫ ИДЕШЬ

Справедливость длиннее жизни всегда,
хотя мы сделаны из мельчайших частиц,
и человеку, может, ближе не ученье Христа,
а правило буравчика из физики и полеты птиц?
Гак иди и ищи, и спускайся поглубже в лога,
тебя примут суровые наши дни,
пока крепче лосиной шкуры на полях снега
и непредсказуемы силы твои.

Михаил Андреев

ФОТОГРАФИЯ НА ПАМЯТЬ

Ты так и живешь: возишь чистую воду в канистре,
читаешь Ницше, вырезаешь из дерева мышат
для кошки Мурки
и знаешь, как выбирали бургомистра
сто лет назад в Гарденбурге:
претенденты для этого садились вокруг стола и ждали,
в чью бороду вошь заползет со середины стола;
счастливчики побеждали.
Ты так и живешь от темна до темна,
зная, что жизнь — это фотография на память,
не больше,
много ходишь, и солнце всегда тебе по пути.
И не внемлешь советам, когда говорят:
выбери палку тоньше,
она крепче, пружинит и с нею легче идти.

Все пройдет. Ну, а ты, моя дорогая,
тщетно борешься не по науке со сном на заре,
ничего так и не понимая,
как и положено человеку на этой земле.
Все, конечно, пройдет. И пока не остыла
и не сбилась заря с твоим сном,
катит в небе луна, как кусочек мыла
по материи в ателье дорогом.

ЭЛЕГИЯ

Когда заката медленный-премедленный венец
Прекрасно виден прямо над буграми,
Для поддержанья красных кровяных телец
Люблю дышать сосновыми борами.

Там можно видеть каждый день подряд,
Прогуливаясь, удивляясь лету,
Как паутины меж деревьев колесят
И пауку служа, и воздуху, и свету.

А повезет — увидишь дикий след лесной
и вспомнишь, что велик наш мир и славен.
Увидишь, как преследуя добычу, егерь молодой
опять неправильно загонщиков расставил.

ЗЕРКАЛО

Зеркало всегда небритое
утром и по вечерам
как армия недобитая
идушая в тартарарам.

Как свист оно чисто-чистое
основа основ осы
материального мира
нематериальные весы.

ТАК ДВИЖУТСЯ ВОЛНЫ

Кожа впитывает почти моментально
вокзалов запах и сирени свист.
Везде и всегда реально
только то, что движется вверх-вниз.
Так движутся на речке волны
и вечный странник — корабль Пироскаф,
ягодник с туеском черники полным,
бредущий с осиновой палкой в руках.
Так Млечный путь куда-то движется,
боязливый, качающийся весь,
и алфавит от аза до ижицы,
и наказ дантиста: два часа не есть.
Движутся так времена года в собачьей упряжке,
непонятные, не понятые даже самими собой,
так натирают мальчишки о войлок пряжки,
чтоб свистели и летели над головой.

У тела и разума разные пути,
иди да иди, иди да иди,
все равно нет числа дорогам и снам,
волнистым, с тугими краями, полям,
все равно ты привыкнешь к своей судьбе,
как к полу привыкаю! в родной избе.

ГИБКИЕ СТРУИ

День прожит, и травы уснули.
Костры пастухи развели.
Протяжные гибкие струи
На небо пошли от земли.

А сосны совсем по-иному,
чем люди, научены жить:
могучему свету денному
еще продолжают служить.

ЧТОБЫ УВИДЕТЬ

Взгляд уходит за лес, за село и за слово «скорее».
Искры плавно летят, и ты хворост неси к костру.
Удержать равновесье на ровной площадке труднее,
чем на раскачивающемся мосту.
В складках пространства дождь наподобие снега.
Там, где нет меня, воздух плотнее сжат.
Чтоб увидеть, есть ли на свете нега,
обязательно надо, чтоб кто-то тебе был рад.
Чтобы увидеть, надо подойти поближе:
так эвенк узнает, есть ли ягель в глубоких снегах,
и таежное солнце для того же спускается ниже
и стоит в четырех от тебя шагах.
Удержать равновесие трудно. Мысли вечные жалки.
И ты знаешь, что время пространству сродни,
и глядишь безответно, как за окном
на детской скакалке
скачут твои еще не пришедшие дни.

КОТЛОВАН

В невиданном облаке пыли
И в боли от ссадин и ран
Рабочие рыли и рыли
Вручную большой котлован.

В нем холодно было и просто,
Как свет незашедшей луны.
И выше коровьего роста
Лежали вокруг валуны.

Недвижно сходили ступени.
И, чтоб заглянуть в глубину,
Ты должен был встать на колени
И вглядываться в темноту.

Насмешливо, как для забавы,
И счета не зная дням,
Тянулись зеленые травы
По омертвелым краям.

Наверно, по этому миру
такой оглашен был приказ,
чтоб в трещинах, пробуя силу,
играла трава — что алмаз.

НА РЕЧНОМ ВОКЗАЛЕ

Пока глаза к темноте привыкают,
вместо мыслей действуют чувства твои,
так делают дети, когда играют:
остановятся и ждут — куда же идти?
Так птицы спуют на речном вокзале,
нарушив собою мирской уют,
так дни мелькают быстро, как при пожаре
из рук в руки ведра передают.

УТРОМ ПОЛЯ

В только что вспаханной земле много злобы;
ее усмиряет сразу же галок рать.
Не для того ли убили царя, чтобы
картошку городом всем собирать?
Только росток правильно путь выбирает.
Ты одновременен с ним и с веткой любой.
Утром кожура зари над лесом сырая
и легко сдирается одной голой рукой.
Утром поля растекаются, манят и тают,
в небо уходят, лоснясь на тонком валу.
И на крылечке сидит человек и скучает
(тот, что пришелся природе всей не ко двору).

Весною

У ВСЕГО ЕСТЬ ПРИЧИНА

У всего есть причина: у подледного лова,
у того, что я жду тебя не дожусь;
раньше я бы не ждал так ни дела, ни слова,
а теперь не дожидаться боюсь.

У всего есть причина: и у пониманья,
что не самое худшее чувство — боль,
что не самое лучшее воспоминанье —
помнить, что мысль о соли всегда солонее, чем соль.

ВЕСПОЮ

Весною можно бежать по полям,
свистеть на дороге что есть мочи,
все дела со стола послать к чертям
и раствориться в бессонной бессовестной ночи.
Весною можно лететь во все стороны света,
можно баловаться и делать полет-кувырок,
и сдать в гардероб зиму и лето
и сказать: на один номерок.

***ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ
О КОЛПАШЕВСКОЙ ПРИСТАНИ***

Выйдет нищенка в Колпашевс —
начинает слезы лить,
очень хочет в этом городе
свое счастье получить.

Ходит нищенка по улице,
ходит словно долото,
воду пьет она, как курица,
из-под крана у райпо.

Пристань старая, дощатая,
надрывается, скрипит,
Обь широкая, широкая,
если надо приютит.

Ходит нищенка нарымская,
фонари кругом горят,
и колпашевцы на нищенку
неприкаянно глядят.

ЗЕЛЕННЫЕ ЛИСТЬЯ

Силы много у света. В нем птицы летают.
Сперло дыханье. Пространство залило молвой.
Зеленые листья го там, то тут возникают,
как перебежчики перед войной.
Много всего разметалось по этому свету,
на широкую ногу еще живет зима,
а росточки молятся серому снегу,
и уже не топится тюрьма.

НЕ ВОЛЕН

От всех душа сокрыта глаз,
и ты перечить ей не волен,
волнуется она у нас,
когда весь мир весною болен.

Когда лениво, не спеша,
зима заполонит равнины,
приветствует опять душа
снегов холодные лавины.

Когда же солнце будет мыть
свои лучи у переката,
ее значенье просто быть
и длить сияние заката.

ПРЕДМЕТ

правильный вопрос лишь тот
у которого нет ответа
и любой предмет
лучше виден с того света

Ходят курсанты училища связи
по городу пробуют жить
им билетерши в трамваях
советуют деньги платить

ХОЛОДНОЕ УТРО

Вечность хуже ребенка, шагу ступить негде
и мысли наедине свои отогреть;
все сделано только вручную, как порядок у немцев,
даже ночное, где можно на звезды смотреть.
Все сделано так, но льдины скоро растают.
Прими холодное утро и ровно дыши.
Должно быть там, где из снегов ручьи вытекают,
географическое положение души.

НА ПОЛЯНЕ

Прими поздравленья. Прославь травы и ветер.
В руки себя возьми.

Везде: на земле, на воде и на всем свете
даже огонь живет смертью земли.

Мысль — это вторая кожа,
натянутая крепко, как барабан,
не лопается, не падает с обоза
и, если надо, идет на таран.

Это здесь. А дальше наши с тобой невзгоды
скрутились, как осенью сады.

И мелькают листья, и неподвластные годы
цепляются к ногам, как семена череды.

МОРОЗ. ДЕРЕВНЯ ДРЕМЛЕТ

Мороз. Туманно. Дико.
Пустынно в небесах,
Осыпалась черника
в болотистых лссах.

В гулупс сторож конный
горланит, как река,
и ставит незаконно
капканы на хорька.

Закат на небе алый,
и петухи орут.
Как умственно отсталый,
разлегся в поле пруд.

Мороз. Деревня дремлет.
Играет небосвод.
И звездам крупным внемлет
крупнорогатый скот.

Там хорошо жить в будни
и в праздников канун —
на стол там ставят студни
из разноцветных лун.

КАК ЗНАТЬ?

Огонь обменивается на все. Как знать,
что лучше: отзвуки неба или крестная земная рать?
Закончилось в деревнях развлеченье детей —
втыкать соломинку в брюшко сонных слепней.
Закончилась мысль. На крыльце старики
делают табуретки, глядят из-под руки.
Перебирай это все в голове без всяких дилемм;
это все до боли над полем летит, над всем.

ОТ МНОГИХ БОЛЕЗНЕЙ

Листья стыдливы, как солдаты на войне
несправедливой.

Сжимается воля в кулак.

От многих болезней помогает чай с малиной
и злость, что дается за просто так.

Высыпи все содержимое из копилки,
мощь которых не остановят века.

И смотри, и смотри, как плывут затылок в затылок
пенициллиновые облака.

Вначале увидишь свежесть над нерукотворным миром,
потом ветер и треск льдины в густом тростнике.

Как стеклянная баночка с рыбьим жиром,
солнце на закате вдалеке.

ЗАКРЫТЫЕ СТАВНИ

Тайна делается ночью криком,
когда горизонт выпит до самого дна,
закрыты ставни, и в пространстве диком
береста на сибирских березах темна,
когда идут корабли монотонно,
и на мачтах протяжно огни горят,
и, вместо: быть или не быть? — полусонно:
чай или кофе? — тебе говорят.
Это здесь, а дальше в далеком просторе,
куда ты в детстве был любовью влеком,
всю соленую ночь полусонное морс
марки наклеивает языком.

НА ПОКОС

Небо мучает, но ничего не хранит,
хлебнешь сапогами воды, и бледнеет вид.
Жизнь — из пустого делать порожнее, а потом
все наоборот. И оса-сцелифрон
укладывает глину для гнезда своего
и летит на покос за добычей всего.
А ты ничего не теряй, ведь все не что иное, как
коллекция вышивок и тревог,
чистота, переходящая во мрак,
не больше тени коровы и не длиннее дорог.
И думай о вечном, о возвращенье в природу,
но захочешь пить, через фуражку процеживай
болотную воду.

*Иероглифы,
изображающие трех
женщин*

ПО МАТЕРИНСКОЙ ЛИППИ

Истина лишь приходит к святым,
так и в жизни: «хранить в темноте» —
наивысшее благо.
Если есть что хорошее, так это от шины
сгораемой дым,
наподобие венесуэльского флага.
Наподобие жизни цветок, что не смог обрести
и покоя под небом, над инеем;
он на гнили в контейнере с мусором
продолжает цвести
по материнской линии.

К ЗИМЕ

Спи в меридианном направлении: север-юг;
это экономит 60 минут, т.е. на столько
ты раньше выспишься,
и почитай болотных гадюк,
у которых содержимое из шкуры к зиме высыплется.
Темнота тоже хочет нравиться. Сперва
день, потом ночь, — так жизнь и теряет навык,
который, что справа, что слева одинаковый, что слова:
— Кабан упал и лапу набок.

АЭРОДРОМ

Здесь цветет лишь одна лебеда,
но поверив в судьбу, словно в чудо,
ты уже никогда-никогда,
хоть умри — не уедешь отсюда.

Да к тому же под ветер и гром,
и ручьев несмолкающий свист
черным вечером аэродром
по ошибке вспахал тракторист.

ЗНАЙ ЭТО ВСЕ

Небо ни к чему, у него нет травы,
оно, как вбрасывание мяча из-за головы
на футбольном поле, не меняет ничего.
Ты - тот, который мыслит слишком длинно —
знай это все,
а дальше живи сам, проходи в военкомате
ежегодную сверку,
читай Бухарина, пеки картошку в золе
и не жди особенно вестей сверху,
чаще прикладывай ухо к земле.

ОБЛАКА

Плывут по небу облака,
плывут вперед издалека,
высоко, быстро над ветвями,
и не достать нам их руками.

И точно те же облака
здесь на земле у полавка
плывут речное слушать пенье.
Обратно сносит их течение.

ТЕРРИТОРИЯ

вот она эта ограда
вот он конец пути
дальше идти не надо
не надо дальше идти

Ходят гуськом кастелянши
и в уголке небес
скидывают наволочки
с облаков на лес

Повторяй за мной: жизнь врукопашную не победить,
хвалит Господа всякая трава,
к Пасхе задумаешь избу белить,
го нет известки, то болит голова.
Многое незаконно на земле, к примеру огонь,
он ближе к звуку, да игривый такой,
скачет на поляне, как привязанный конь,
вот это — и повторяй за мной.

УРА ТОМУ, ЧТО ЕСТЬ ДОРОГА

<)иять холщовые дороги
вновь поползли со всех сторон,
невозмутимо тащит ноги
по перелескам почтальон.

I[одвода медленная катит
по размороженной земле,
и солнечные блики скачут
вслед по тележной колее.

Ic веря скорому итогу,
объездчики кустарник жгут,
рябина красная дорогу
перебегает там и тут.

Идут машины бортовые,
куда-то неустанно мчат,
и механизмы поршневые
н них нескончаемо стучат.

Ура тому, что есть дорога,
что солнце небо золотит,
и смысл главного итога
узнать не скоро предстоит.

ВНУТРИ СТВОЛА

Внутри холодного ствола
в молчанье теплится смола,
и токов темное движенье
сильней земного притяженья.
Под влажной грубою корой
не суетится мир иной.
В нем что-то тайное зовет,
без голоса, внутри, пост.
Оно играет и манит,
и лист весною зеленил.
Нерукотворно торжество,
и в этом наше с ним родство.

ПУТНИКИ

Вспотевшее небо не сулит хорошей погоды,
дешевый хлеб — признак благосостояния страны.
Сеют его в Казахстане, невзирая на невзгоды,
и растет он, будто шевелятся широчайшие
мышцы спины.

Небо — это мы, сами с собой играя,
бьемся, пока в лампе фитилек не потух,
забывая и правильно не выбирая
всегда одно из наимучительных двух.
Небо — это усмешка, это вечное мало,
это словно закрытый от европейцев восток,
это путников горстка, с Кара-Дага устало перекатывающихся
по пыльной дороге с пятки на носок.

МОЛОДЫЕ ЕГЕРЯ

Спит небес вековая охрана,
лишь на горке, где звезды горят,
неизменно и неустанно
земляника и волки не спят.

Нам всегда уготовлено дело,
что не сразу возможно понять;
спит земля до конца, до предела,
ведь ночами положено спать.

Спят неистово воды в затонах,
спят, волнуясь, за речкой поля,
но выводят коней из загонов
молодые еще егеря.

Молочай под копытами плачет,
ветер запахом ночи объят,
егеря-несмышлениши скачут,
задевая прикладом приклад.

Скачут яростно и без промашки,
зная в жизни обманку и яд,
и у них на казенных фуражках
золотые кокарды горят.

Вот и волчье дыханье угасло,
и дрожат за рекою поля;
как подсолнечным медленным маслом
обливается светом земля.

А потом, глядя пусто и дико,
егеря на поляне сидят
и сладчайшую в кровь землянику
из фуражек помятых едят.

РАНО СВЕТАЕТ

Рано светает, поздно делается совсем темно;
иди и думай, не видя ни неба, ни туч —
в темноте думать лучше всего
и ждать, пока не появится первый луч.
Берет за живое смоленая дратва и хорошая весть,
не требует опоры только пустота,
мысли мерцают, словно они есть
незагорелые складки твоего живота.
Рано светает, такая погода! И месяц дрожит.
Иди и думай, что это всевышний уют.
В такую погоду лесная норка величаво
в осоке шуршит,
и бесшумно «языков» на войнах берут.

ВДАЛЬ

Есть у каждого дорога,
от порога и до Бога,
точно знаю наперед,
как девчонка недотрога,
кружит голову и жжет.

В той дороге ветер вьюжный
разнесет, как письма, снег,
то, что было нам не нужно,
станет главным в ней для всех.

Станет там судьба мятежной,
озерко — водой безбрежной,
рядом — для мечтаний сад,
то, что было неизбежным,
опрокинется назад.

В той дороге нету края,
нету пыли — красота.
На вес золота, я знаю,
в ней для каждого места.

Там живут не как улитки —
пишут к праздникам открытки
и серьезные, и смешны,
тучу слезную по нитке
расплетают с вышины.

Но быстрее, чем иные,
там уходят дни живые,
не вернуть нам их, друзья,
все уходят, а другие
отвоевывать нельзя.

МЫСЛЬ

Ты коллекционируешь все: осень, зиму и лето,
тишину и шум; только тишину меньше,
ведь шум по-китайски — это
иероглифы, изображающие трех женщин.

Ты знаешь: речь — это болезнь горла,
непослушная, как рысь.

Мало говоришь, зная, что не всегда тебе повезет.
И дороже всех мыслей тебе — одинокая мысль:
береженого Бог бережет.

ЛИШЬ БЫ НЕ СБИТЬСЯ

Осиновый лес и страх всегда заодно,
к тому же противное ночью дно.
Идешь и идешь с тусклом дотемна,
лишь бы не сбиться, и лишь бы труба ГРЭС

была видна.

Но это всего лишь жизнь. Это птицы крик в лебеде.
Ее голос летит далеко,
это, как в детстве, в Сибири игра, когда говорили тебе:
— Хочешь увидеть Москву?
И поднимали за уши высоко-высоко.

СЕРЕДИНА ИЮЛЯ

Туман бережет лодки и тихо стоит над водой,
так градусник под мышкой держит больной.
Отраженья деревьев почти не видно в воде;
деревья посмертно рождаются на земле.
И долго никто не живст: ни камень, ни смех,
ни середина июля, ни снег,
ни соки в зеленой черноземной траве,
ни память, что тает, как снег в рукаве.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИСТВЕННЫЙ СВЕТ

«Мирно спали озера и реки...»	6
«Лил дождь. И молния сверкала...»	7
Привычка	8
Пожар	12
«Туманится поле вдали...»	13
Парабель	14
«Меркнет день. Одинока луна...»	17
За оградой	18
Ранней осенью	19
«Уходит юности пора...»	20
«Я люблю наблюдать спозаранку...»	21

И ЗВЕЗДА ВЫСОКО-ВЫСОКО

Мы сами у природы в кулаке	24
Общество охраны старины	25
«Елки спрятались в белые латы...»	27
Под желтой кроной	28

ПОДРАНОК

Коршун	30
С небом заодно	31
Корни	32
На родине	33
«Наши с тобой места...»	34
Нечаянный друг	35
«Бричку трясет на коровьих следах...»	36
«Широкоспинные заливы...»	37
Опять заставят в эту звень.....	38

«За речкой Томью было это...»	39
Экскаватор	41
«В заготпункт, где с утра много крику...»	42
«Что я в жизни успел...»	44
«Туман низиною ползет...»	45
Ночью вспомнишь	46
Вдали от мира	47
В карьере	48
Воспоминание	49
Береза	50
За Обью	51
«Кедровник начисто срубили...»	52
«Мы жили в самый нужный век...»	53
«Был из крепкого я теста...»	54
Сон	56

ЗЕМНОЙ СРОК

«Вечерние, тусклые блики...»	62
Охотник	63
«Широк над озером рассвет...»	64
«Минута есть у нас такая...»	65
Волк	66
«Все меньше верится словам...»	67

НЕТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Стой на своем	70
Ты не думала вслух про отчизну	71
Костяника	72
В настоящем	73
Глухомань	74
Ничего не бери насовсем	75

Сказ о корове	76
Была весна	79
Понимание	80
Древо	81
За Нарымом	82
Разговор с дедом	83
Опять нахлынули мечты	84

ПО МАТЕРИНСКОЙ ЛИНИИ

Вот оно, утро	86
Без прикрас	87
Это все так	88
Ты был прав	89
Птичий гам	90
Пространство	91
«Все пройдет: даст трещину пирамида Хеопса...»	92
Прямой наводкой	93
Пятихатка	94

ПОКА ПО ИМЕНИ НЕ ПОЗОВУТ

Небыль	98
Сезон охоты	99
Городская элегия	100
К тому же	101
Громко не говори	102
До краев, до окраин	103
Пока по имени не позовут	104
Воля и небо	105
В это лето	106
Жизнь начинается	107
«В небе высоком плывут облака и плывут...»	108

Тишь	109
Должен знать	110
Диалектика природы	111
Жизнь реальна	112
И скрип суставов у солдат	113

ТОЛЬКО РОСТОК ПРАВИЛЬНО ПУТЬ ВЫБИРАЕТ

Смысл	116
Пока ты идешь	117
Фотография на память	118
«Все пройдет. Ну, а ты, моя дорогая...».....	119
Элегия.....	1 20
Зеркало	121
Так движутся волны	122
«У тела и разума разные пути...»	123
Гибкие струи	124
Чтобы увидеть	125
Котлован	126
На речном вокзале	127
Утром поля	128

ВЕСНОЮ

У всего есть причина	130
Весною	131
Лирическое отступление о Колпашевской пристани	132
Зеленые листья	133
Не волен	134
Предмет	135
Холодное утро	136
На поляне	137
Мороз. Деревня дремлет	138

Как знать?	139
От многих болезней	140
Закрытые ставни	141
На покос	142

ИЕРОГЛИФЫ, ИЗОБРАЖАЮЩИЕ ТРЕХ ЖЕНЩИН

По материнской линии	144
К зиме	145
Аэродром	146
Знай это все	147
Облака	148
Территория	149
«Повторяй за мной: жизнь врукопашную не победить...» 150	
Ура тому, что есть дорога	151
Внутри ствола	152
Путники	153
Молодые егеря	154
Рано светает	156
В даль	157
Мысль	159
Лишь бы не сбиться	160
Середина июля	161

Основные книги Михаила Андреева:

«Лиственный свет», 1981 г., изд. «Молодая гвардия», Москва
«...И звезда высоко-высоко», 1982 г., изд. «Современник», Москва
«Земной срок», 1985 г., изд. «Молодая гвардия», Москва
«Подранок», 1986 г., изд. «Современник», Москва
«Нетелефонный разговор», 1991 г., Томск
«По материнской линии», 1997 г., Томск

Некоторые стихи Михаила Андреева стали темой для песен. Они вошли в репертуар групп «Любэ» («Грамвай пятерочка», «Тулупчик заячий», «На воле», «Луна», «Самоволочка», «Главное, что есть ты у меня», «Москва» и др.), «Иванушки Интернешнл» («Тополиный пух», «Ревни» и др.), «Белый орел» («Потому что нельзя быть красивой такой»), а также Вячеслава Добрынина, Михаила Шуфутинского, Влада Сташевского и других популярных исполнителей.

Михаил Андреев

ФОТОГРАФИЯ НА ПАМЯТЬ

СТИХИ

Верстка Е. В. Гапоновой

Лицензия ЛР № 066065 от 10 августа 1998 г.
ООО «Фирма «Вариант». ЛР № 066065.
Подписано в печать
Формат 60х84/16. Гарнитура Times. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Уел. печ. л. 10,5
Тираж 1000 экз. Заказ № 606

127427, Россия, Москва, ул. Ботаническая, 21.
Тел.: (095) 219-00-08, 210-74-21, факс: (095) 210-59-28

1? * IT*

VTCS* ННИК

АВТОРСКИЙ ВЕЧЕР

БОА
ROM

М™ «ОГО ЮЭТА
МИХАИЛА АНІРП ВЛ

и!
ПОПУЛЯРНЫЙ 1 РУПЫ

